

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

Эталонность в сопоставительной семантике¹

© доктор филологических наук С. Г. Воркачев, 2003

Все познается в сравнении – этот тип «логической рефлексии» (И. Кант), посредством которой на основе некоторого признака устанавливается тождество или различие объектов путем их попарного сопоставления, наряду с дедукцией, индукцией и аналогией является универсальным исследовательским инструментом, выросшим, как и весь категориальный аппарат логики (Зиновьев 2003: 31) из естественного языка. Не составляет исключения в этом отношении и лингвистика: по легенде, после неудачи Вавилонского столпотворения изучение иностранных («чужих») языков явно или неявно осуществляется на основе их сопоставления с родным.

В синхронической лингвистике момент сходства сравниваемых объектов доминирует в сравнительно-типологических и сравнительно-характерологических, описательных исследованиях, направленных на выявление наиболее важных особенностей языковой деятельности (Потье 1989: 187; Матезиус 1989: 18), а момент различия – в сравнительно-сопоставительных («контрастивных» – Косериу 1989: 69; «конфронтативных» – Хельбиг 1989: 308-313), направленных на выявление наиболее существенных расхождений в языковых структурах в целом и на отдельных языковых уровнях (Нерознак 1987: 21). Практика контрастивного анализа языковых явлений существовала «от века», однако сопоставительная лингвистика как теоретическая дисциплина сформировалась где-то к середине прошлого столетия (Гак 1989: 5-6).

Любое сопоставительное исследование результативно лишь при условии соблюдения необходимых логических требований сравниваемости объектов (Кондаков 1975: 568), которые должны быть прежде всего однородными – принадлежать к одному естественному либо логическому классу, а признак, по которому они сравниваются (основание сравнения), должен быть существенным и относиться к числу свойств, формирующих качественную определенность этих предметов. Установление на множестве объектов отношения сравнения имеет смысл лишь в том случае, если между ними «есть хоть какое-нибудь сходство» (Юм 1965: 103), и разбивает это множество на классы абстракции (эквива-

¹ Работа выполнена при поддержке РФНФ (грант № 01-04-38002 а/Ю).

лентности), в границах которых (в «интервале абстракции») два любых объекта тождественны друг другу в отношении, по которому они сравниваются. Тем самым класс абстракции отождествляется со свойством, общим всем предметам этого класса, которое, в свою очередь, отождествляется с любым конкретным предметом-носителем этого свойства (Новоселов 1967: 365).

Свойство, по которому сопоставляются объекты, образует основное сравнения. Если за основание сравнения принять, например, цвет, то сравнимыми будут все предметы, доступные непосредственному визуальному наблюдению, а несравнимыми – предметы ненаблюдаемые либо в силу своей идеальной природы («зеленые идеи»), либо размера (элементарные частицы). Дальнейшее сопоставление происходит за счет умножения признаков и, соответственно, разбиения множества на классы абстракции: все наблюдаемые объекты либо как-то окрашены, либо нет (прозрачны, зеркальны); все цветные объекты либо хроматичны, либо ахроматичны (черные, белые, серые); хроматичные объекты либо относятся к «теплому» краю солнечного спектра (красные, желтые, оранжевые – xanthic), либо к «холодному» (синие, зеленые, фиолетовые – cyanic). Тем самым при сопоставлении уже формируется набор семантических признаков, совокупность которых образует *tertium comparationis* – «третий термин сравнения», он же – «эталон сравнения», обеспечивающий возможность сопоставительного изучения объектов по всей полноте свойств, образующих их качественную определенность. Признаки, составляющие эталон сравнения, упорядочиваются иерархически и количественно, на них выстраиваются отношения логической выводимости и транзитивности (градуативности), а вся их совокупность приобретает черты семантической теории, которая при определенной степени эксплицитности и формализованности может считаться семантической моделью или прототипом.

В лингвистических исследованиях сложились три основных метода формирования эталона сравнения (Гак 1989: 16): за эталон может приниматься набор свойств одного из сопоставляемых языков – «однонаправленное сравнение» (Косериу 1989: 70), эталон может состояться из общих свойств всех сопоставляемых языков и, наконец, он может выступать как «метаязык» (Хельбиг 1989: 311) – совокупность универсальных либо гипотетических теоретически устанавливаемых инвариантных признаков, по которым сопоставляются сравниваемые языки или языковые явления (Косериу 1989: 70).

Вычленение эталона сравнения из признаков одного из сопоставляемых языковых явлений вполне уместно и результативно при исследовании немногочленных, жестких и закрытых семантических систем – преимущественно грамматических категорий, откуда, собственно, и «пошла

быть» контрастивная лингвистика (Косериу 1989: 71), при этом в том случае, когда какое-либо явление языка А не имеет формальных аналогов в языке В, для языка В это явление выступает в качестве «отрицательного языкового факта». В области контрастивной грамматики наиболее вероятными претендентами на роль эталона при сопоставлении языковых явлений выступают физические и логические категории: время, пространство, отношение, количество, способ, качество и пр.

Необходимость использования эталона, отличного от семантики одного их сопоставляемых языков, возникает уже при сравнительном описании «понятийных» либо функционально-семантических категорий (См.: Штернеманн 1989: 150) и обуславливается непоследовательностью, лакунарностью реализации семантических признаков в многочисленных функциональных подсистемах естественного языка, тем более особенно в области лексической семантики.

Сопоставительный анализ обычно проводится на материале двух либо, в крайнем случае, трех разносистемных (Кашароков 1999; Глебзу 1999; Хут 1997) языков. Направленность эталона сравнения, как правило, эксплицитно не формулируется, можно предполагать, что интуитивно за эталон принимается родной язык исследователя и особое внимание уделяется отклонениям от его норм при изучении иностранцами (См.: Балли 1955: 390), если же в качестве эталона выступает иностранный язык, то это специально оговаривается (Крушельницкая 1961: 3).

За эталон сравнения в сопоставительных исследованиях таких категориальных смыслов, вербализуемых разноуровневыми средствами и образующих лексико-грамматические поля/функционально-семантические категории, как время, модальность, определенность/неопределенность и пр. (Штернеманн 1989: 150), принимается чаще всего семантическое поле, в котором отражается структура понятийной категории, общей для всех уровневых полей в сопоставляемых языках (см.: Дорофеева 2002).

Для сопоставительного описания вербализации лексико-грамматических единиц, не имеющих аналогов ни в логике, ни в грамматике, например, систем неопределенных местоимений в русском и испанском языках, передающих безразличие к выбору представителя из класса (Воркачев 1996), отличающихся многозначностью и чрезвычайной сложностью внутрисистемных семантических и функциональных связей, используется эталон-конструкт, составленный из двух пар кванторно-референциальных признаков: квантора общности / квантора существования и фиксированности / нефиксированности, при помощи которых с достаточной полнотой описываются предметные значения этих местоимений. Четыре двупризнаковых значения единиц словаря языка-эталона («общность + фиксированность», «общность + нефиксированность», «существование + фиксированность» и «существование + нефик-

сированность») частично реализуются в речевом употреблении русских местоимений «всякий», «любой», «каждый», «-нибудь» и «-то, кое-» местоимений и местоимений испанского языка *uno, algo, alguien, alguno, todo, cada, cualquiera*. Местоимение *cualquiera*, восходящее к этимону «какой хочешь», способно к передаче по меньшей мере трех из четырех теоретически возможных двупризнаковых значений языка-эталона, оно передает также множество дополнительных, преимущественно оценочных значений, находящихся в русском языке соответствие лишь в системе неопределенных и кванторных местоимений в целом. Сопоставление систем кванторных местоимений русского и испанского языков через соотнесение их семантики со значениями языка-эталона позволяет выяснить, что русские неопределенные местоимения лексически богаче испанских и, несмотря на многозначность и взаимозаменяемость большинства своих семантических подразрядов, способны к регулярной и специализированной передаче каждого из четырех теоретически возможных кванторно-референциальных значений.

Особые сложности сопряжены с созданием эталона сравнения при сопоставлении лексико-грамматических полей, в основании которых лежат категории-«семантические примитивы», к числу которых относится, например, 'желание', вербализуемое во многих языках через парные синонимы – «ядерные предикаты желания»: «хотеть–желать», *to want–to wish, wollen–wunschen, querer–desear* и пр. В силу семантической неразложимости понятийной основы и невозможности её непосредственного описания эталон сравнения при сопоставлении этих единиц приходится формировать по «свечению аурь»: их сочетаемостным, прагматилистическим и функциональным свойствам (Воркачев 1991; Жук 1994). Применение подобного эталона при сопоставительном «портретировании» ядерных предикатов желания английского и русского, русского и испанского языков по совокупности их языковых, реализующихся в «жестких», лексико-грамматических контекстах, и речевых, реализующихся в «мягких», прагмасемантических контекстах, функций в парах *to wish–to want* vs «желать»-«хотеть» и «желать»-«хотеть» vs *desear–querer* позволяет выявить, что эти лексические единицы являются квазисинонимами – синонимами частичными, неполными и асимметричными, объединяемыми семантически неопределимым денотатным признаком 'желание' и различающимися своими формально-структурными, сочетаемостными, дополнительными идеографическими и прагмасемантическими характеристиками.

Сопоставительное исследование лексических систем языков в целом может быть направлено на описание закономерностей употребления лексических единиц с одинаковым значением и создание «грамматики речи» – специфических для каждого языка правил функционально-

семантической вербализации определенных смыслов (Гак 1977: 6-7, 10). Однако чаще имеет место сопоставление отдельных участков лексической системы языков: тематических групп и лексико-семантических полей, объединенных общим понятийным или денотатным признаком – «цвет», «запах», «атмосферные осадки» и пр., который, очевидно, и принимается за основание сравнения (см.: Решетникова 2001; Сунь Хуэйцзе 2001; Кузнецова 2002) при выявлении случаев диасемии как частичного совпадения семантики соэквивалентных лексических единиц в сопоставляемых языках.

Контрастивное описание лексических единиц, отмеченных этнокультурной спецификой, по существу принадлежит уже сопоставительной лингвоконцептологии, поскольку имеет дело с культурными, вернее, лингвокультурными концептами как некими вербализованными смыслами, отражающими лингвоменталитет определенного этноса. Размежевание терминов «культурный» и «лингвокультурный концепт» представляется довольно существенным в силу того, что «культурный концепт» по определению относится к культурологии и не предполагает обязательной вербализации, а может находить знаковое воплощение в любых семиотических формах: поведенческих, предметных и других, в то время как «лингвокультурный концепт», опять же по определению, непременно так или иначе связан с языковыми средствами реализации. Тем самым «культурный» и «лингвокультурный» концепты, вполне совпадая по своей предметной области, заметно отличаются по материи своего овеществления и, соответственно, по своим исследовательским свойствам.

Лингвокультурный концепт как «сгусток» этнокультурно отмеченного смысла обязательно имеет свое имя, которое, как правило, совпадает с доминантой определенного синонимического ряда либо с ядром определенного лексико-семантического поля, и поэтому одним из аспектов сопоставительного изучения этих лингвоментальных сущностей будет выделение в эталоне сравнения уровня системно-языковых признаков.

Если отличительные признаки лингвокультурных концептов ограничиваются идеальностью как отнесенностью к области сознания, этнокультурной отмеченностью и вербализованностью, то в их число попадают весьма разнородные по своему семантическому составу единицы, требующие при межъязыковом сопоставлении различных исследовательских подходов. Под определение лингвокультурного концепта попадают имена конкретных предметов (например, «матрешка» – Карасик 2002: 145) и имена реалий при условии их включенности в ассоциативное поле определенной культуры, имена прагматических лакун в межъязыковом сопоставлении («береза», «черемуха», «рябина», «калина», «журавль», mistletoe, holly, thistle и пр.), имеющие соэквивалентное предметное значение. К их числу относятся, естественно, имена нацио-

нально-специфических понятий («удаль», «воля», privacy, efficiency, esprit, honor, saudade, ordnung и пр.), находящие при межъязыковом сопоставлении лишь частичное соответствие, и, конечно, имена абеляровских духовных ценностей – мировоззренческих универсалий («красота», «свобода», «вера», «любовь», «истина», «справедливость», «судьба» и пр.), лингвокультурная специфика которых в достаточной мере трудноуловима, поскольку в них закодированы определенные способы концептуализации мира (Вежицкая 1999: 434).

Проведение сопоставительных межъязыковых сопоставлений и, соответственно, составление признакового эталона сравнения вряд ли имеют смысл для имен безэквивалентных смыслов и «криптоконцептов», не имеющих в языке кодифицированного лексического воплощения, поскольку результативно можно сравнивать лишь в достаточной мере сходные предметы. Тем самым, сопоставительные исследования, сопряженные с созданием эталонных моделей, уместны и продуктивны лишь для концептов-уникалий и концептов-универсалий, имеющих частичную межъязыковую соэквивалентность.

Лингвокультурный концепт – качественно разнородное, вариативное и многослойное структурированное семантическое образование (Карасик 2002: 137), при исследовании которого применим компонентный анализ как наиболее эффективная в сопоставительной семантике микролингвистическая методика (Гак 1989: 13). Компоненты (семантические признаки), формирующие эталон сравнения при межъязыковом сопоставлении лингвокультурных концептов, отличаются прежде всего по своей ориентации на содержательную либо выразительную, «телесную» сторону их имен, отправляющих как к определенному набору смыслов, так и к определенной системе выразительных средств языка. В свою очередь содержательная сторона раскрывается как направленность на логическую, дискурсивную («понятийную») составляющую познающего разума, либо на его эмоционально-волевую (образную и ценностную) составляющие. Эталонные признаки концепта иерархически и вероятностно организованы, они могут быть структурированы по уровням («слоям»), по параметрам дефиниционной обязательности/факультативности и количественным (частотным) характеристикам (Попова-Стернин 2001: 60-62). С другой стороны, «ипостасные» свойства лингвокультурных концептов зависят от их «области бытования» – сферы общественного сознания или дискурсного употребления, в которых они модифицируются: утрачивают одни семантические компоненты и приобретают другие.

Классификация и систематизация эталонных признаков лингвокультурных концептов по существу означают их сопоставительное моделирование: создание семантического прототипа сравнения (см.: Бабаева 1997: 9; Панченко 1999: 5; Палашевская 2001: 15). Однако следует

заметить, что в сопоставительных исследованиях, посвященных описанию конкретных семантических единиц, этот прототип, как правило, эксплицитно не формулируется и используется интуитивно – «по умолчанию», а только перечисляются и классифицируются признаки сравнения, выбор которых зависит от вида исследуемых единиц.

Наиболее простыми в межъязыковом сопоставлении оказываются имена концептов-предметов, в семантике которых выделяются референциальная и прагматическая части, из которых первая соэквивалентна для обоих языков, а вторая выступает носителем этнокультурной специфики и, соответственно, отличается от языка к языку.

Концепты-уникалии типа русских «воля», «удаль», «тоска» при всей специфичности своей семантики содержат, тем не менее, некий дефиниционный минимум, который позволяет соотносить их с частичными иноязыковыми эквивалентами, по которым посемно распределяется их этнокультурная специфика, – «транслировать в инокультуру» (см., например: Димитрова 2001: 7-15).

Наиболее сложный объект для сопоставительного семантического описания представляют концепты высшего уровня – мировоззренческие универсалии («свобода», «справедливость», «судьба», «счастье», «любовь» и пр.), функционирующие в различных типах дискурса и в различных сферах общественного сознания, что определяет необходимость предварительного создания исследовательского «прототипа прототипов» – внутриязыкового междискурсного эталона сравнения: наиболее признаково полной и наименее этнокультурно маркированной модели, которая чаще всего совпадает с прототипом концепта, полученного в результате анализа научного дискурса и научного сознания.

Семантический прототип, полученный на основе научного дискурса, в котором функционирует исследуемый концепт, дополняется признаками из других дискурсных областей (сфер сознания). В его составе выделяется базовая, неизменная при всех междискурсных мутациях часть, содержащая дефиниционные (дистинктивные) семы, образующие реляционный каркас, обеспечивающий качественную определенность концепта – возможность его отделения от смежных и родственных семантических образований.

Лингвокультурный концепт в аспекте сопоставительного изучения – сложное ментальное образование, зачастую полученное «погружением в культурную среду» «семантических примитивов» – операторов неклассических логик: 'безразличия', принимающего форму равнодушия, социальной апатии, правового и морального нигилизма (см.: Воркачев 1997), и 'желания', сублимированного в концепт любви (см.: Воркачев 1995: 57).

Относительно немногочисленные концепты-универсалии индивидуализированы – отличаются друг от друга «лица необщим выраженьем», но при этом, тем не менее, в их семантическом составе выделяются однородные составляющие, основными из которых являются: 1) понятийная, рационально-дискурсивная, включающая признаки, необходимые для родо-видовой идентификации концепта и сохранения его целостности при «междискурсных метаморфозах»; 2) метафорически-образная, эмоционально-чувственная, куда входят модели семантического переноса, «воплощающие» абстрактные сущности; 3) «значимостная», системно-языковая, объединяющая признаки, связанные с формой существования «знакового тела» концепта и способами его вербализации в определенном естественном языке; 4) гносеологически и аксиологически оценочная, включающая признаки, связанные с ценностными характеристиками концепта (о ценностном компоненте концепта см.: Карасик 2002: 129). Все эти составляющие, естественно, выделяются и в семантическом прототипе, формируемом для межъязыкового сопоставительного описания лингвокультурных концептов высшего уровня.

Особенностью концептов-мировоззренческих универсалий, которая должна учитываться при создании признакового эталона сравнения, является способность к смене имени при переходе из одной дискурсивной области в другую – их потенциальная разноименность: «счастье» – «блаженство», «справедливость» – «правда», «свобода» – «воля», «любовь» – «милость» и проч.

В области понятийной составляющей при межъязыковом сопоставлении концепты универсалии отличаются не только простым набором сем, но и способом их организации: тем, как эти семы взаимодействуют, образуя концептуальные блоки, «пробегая» по которым концепт приобретает свою этнокультурную определенность (Воркачев 2002: 58), которая зависит во многом от частоты, с которой реализуется определенный концептуальный блок в определенной сфере национального сознания (Воркачев-Воркачева 2002: 146).

Наблюдения над использованием эталона сравнения в сопоставительной семантике прежде всего показывают, что он является обязательным, хотя по большей части и имплицитным, атрибутом сопоставительного описания, принципы формирования которого определяются как интересами исследователя, так и свойствами самого объекта исследования. При достижении определенного количественного и качественного предела и с возникновением необходимости внутреннего структурирования совокупность признаков, положенных в основание сравнения, приобретает вид семантического прототипа или модели.

Как и в любых сопоставительных лингвистических исследованиях, в сопоставительной семантике используются три типа эталона сравнения, выбор которых определяется свойствами сопоставляемых единиц – степенью сложности и разнородности их семантического состава: 1) за эталон принимаются свойства, абстрагируемые от свойств единиц одного из сопоставляемых единиц; 2) эталон представляет собой конструкт, образованный из искусственных семантических признаков; 3) эталон формируется из признаков, общих для всех сопоставляемых единиц.

При сопоставительном исследовании концептов-универсалий используется эталон сравнения третьего типа, представляющий собой семантический прототип (модель) и формируемый в два шага: сначала составляется междискурсивный прототип для единиц каждого из сопоставляемых языков – «прототип прототипов», и только затем формируется семантическая модель-эталон межъязыкового сравнения.

Л и т е р а т у р а

1. *Бабаева Е. В.* Культурно-языковые характеристики отношения к собственности (на материале немецкого и русского языков): АКД. Волгоград, 1997.
2. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
3. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
4. *Воркачев С. Г.* Хотеть–желать vs querer–desear: сопоставительный анализ употребления русских и испанских глаголов // Русский язык за рубежом. 1991. № 3. С. 75-82.
5. *Воркачев С. Г.* Национально-культурная специфика концепта любви в русской и испанской паремиологии // НДВШ ФН. 1995. № 3. С. 56-66.
6. *Воркачев С. Г.* Речевые значения кванторных местоимений русского и испанского языков: контрастивный анализ // Филология. Краснодар, 1996. № 10. С. 37-40.
7. *Воркачев С. Г.* Безразличие как этносемантическая характеристика личности: опыт сопоставительной паремиологии // ВЯ. 1997. № 4. С. 115-124.
8. *Воркачев С. Г.* Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. Монография. Краснодар, 2002.
9. *Воркачев С. Г., Воркачева Е. А.* Концепт счастья в русской и английской паремиологии // Реальность этноса. Образование и проблемы межэтнической коммуникации. СПб., 2002. С. 145-148.
10. *Гак В. Г.* Сопоставительная лексикология. (На материале французского и русского языков). М., 1977.
11. *Гак В. Г.* О контрастивной лингвистике // НЗЛ. Вып. XXV: Контрастивная лингвистика. М., 1989. С. 5-17.
12. *Димитрова Е. В.* Трансляция эмотивных смыслов русского концепта «тоска» во французскую лингвокультуру: АКД. Волгоград, 2001.
13. *Дорофеева Н. В.* Удивление как эмоциональный концепт (на материале русского и английского языков): АКД. Волгоград, 2002.
14. *Жук Е. А.* Сопоставительный анализ ядерных предикатов желания в русском и английском языках (прагмасемантические аспекты): АКД. Краснодар, 1994.
15. *Зиновьев А. А.* Комплексная логика // Вопросы философии. 2003. № 1. С. 29-37.
16. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
17. *Кашаров Б. Т.* Сопоставительно-типологический анализ фразеологизмов русского, немецкого и кабардино-черкесского языков: АКД. Краснодар, 1999.
18. *Кондаков Н. И.* Логический словарь-справочник. М., 1975.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. - М.: МАКС Пресс, 2003. - Вып. 25. — 200 с. ISBN 5-317-00843-3

19. Косериу Э. Контрастивная лингвистика и перевод: их соотношение // НЗЛ. Вып. XXV: Контрастивная лингвистика. М., 1989. С. 63-81.
20. Крушельницкая К. Г. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. М., 1961.
21. Кузнецова О. И. Семантическая относительность лексических единиц тематической группы «атмосферные осадки» в английском и русском языках (сопоставительный анализ): АКД. Краснодар, 2002.
22. Матезиус В. О лингвистической характерологии (на материале современного английского языка) // НЗЛ. Вып. XXV: Контрастивная лингвистика. М., 1989. С. 18-26.
23. Нерознак В. П. О трех подходах к изучению языков в рамках синхронного сравнения (типологический–характерологический–контрастивный) // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку. М., 1987. С. 5-26.
24. Новоселов М. М. Принцип абстракции // Философская энциклопедия: В 5 тт. Т. 4. М., 1967. С. 365-366.
25. Палашевская И. В. Концепт «закон» в английской и русской лингвокультурах: АКД. Волгоград, 2001.
26. Панченко Н. Н. Средства объективации концепта «обман» (на материале английского и русского языков): АКД. Волгоград, 1999.
27. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.
28. Потье Б. Типология // НЗЛ. Вып. XXV: Контрастивная лингвистика. М., 1989. С. 187-204.
29. Решетникова Е. А. Национально-культурный компонент семантики цветообозначений в русском и английском языках (в диахронии): АКД. Саратов, 2001.
30. Сунь Хуэйцзе. Принципы номинативного структурирования семантического поля (на примере средств обозначения запаха в русском и китайском языках): АКД. Волгоград, 2001.
31. Тлебзу М. Д. Сопоставительная типология грамматических категорий имени прилагательного и языковые средства их выражения в современном русском, адыгейском и французском языках: АКД. Краснодар, 1999.
32. Хельбиг Г. Языкознание – сопоставление – преподавание иностранных языков // НЗЛ. Вып. XXV: Контрастивная лингвистика. М., 1989. С. 307-326.
33. Хут С. Н. Субъективная реализация модальности в разнотипных языках (на материале русского, французского и адыгейского языков). Краснодар, 1997.
34. Штернеманн Р. Введение в контрастивную лингвистику // НЗЛ. Вып. XXV: Контрастивная лингвистика. М., 1989. С. 144–178.
35. Юм Д. Сочинения: В 2 тт. Т. 1. М., 1965.